

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

УДК 343.222.7
ББК Х408.11

DOI: 10.14529/law180301

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ НАД ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ю. А. Воронин, И. М. Беляева, Т. В. Кухтина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Организованная преступность не ограничивает свою деятельность рамками национальной территории отдельного государства. Фактически она проявляет себя как интернациональное явление, а по своей сущности представляет собой наиболее высокий уровень криминальной эволюции. Эта черта наиболее ярко проявляется применительно к криминальным сообществам, чья активность приобрела транснациональный характер, породив феномен транснациональной организованной преступности. Криминальные сообщества такого типа обладают мощным потенциалом и высоким динамизмом. И поэтому они представляют серьезную опасность как для отдельных государств, так и для всего мирового сообщества. Они действуют в сфере юрисдикций многих государств, разрушают финансовые рынки и экономики многих стран. Правительственных ресурсов, предназначенных для решения множества социальных и экономических проблем, просто недостаточно для нейтрализации этих преступных организаций.

Данная статья посвящена анализу и оценке степени эффективности общепредупредительных и специально-криминологических мер, осуществляемых в отношении организованной преступности на национальном и международном уровнях. К сожалению, мировое сообщество так и не сформулировало адекватной стратегии борьбы с транснациональной организованной преступностью. Оно не смогло, в частности, ответить эффективными правоприменительными мерами широкому спектру вызовов со стороны организованной преступности. Осознание этого крайне важно как для понимания анализируемой ситуации, так и для принятия адекватных контрмер в отношении организованной преступности. Указанные обстоятельства учитывались авторами представляемой вниманию читателей статьи.

Ключевые слова: *криминальные организации, транснациональная организованная преступность, уровень коррумпированности, правоохранные структуры, меры борьбы с организованной преступностью.*

1. При всей очевидной необходимости разработки и реализации разнообразных мер контроля над организованной преступностью, в том числе транснациональной, своевременность и эффективность решения этой задачи все же оставляет желать лучшего. Объясняется это целым рядом обстоятельств. К их числу относятся: реальный запас финансовых и кадровых ресурсов каждого государства; степень коррумпированности административного аппарата, прежде всего правоохранных органов; специфика взаимоотношений криминальных группировок и отдельных звеньев по-

литической и экономической системы в конкретных обществах [1]. Как бы там ни было, структурно меры контроля над преступными организациями в рамках каждой национальной юрисдикции (как, впрочем, и в международных масштабах) складываются из общепредупредительных и специальных мероприятий, в идеале составляющих единый комплекс, но на практике серьезно уязвимых с точки зрения их полноты и систематизированности.

Меры общего предупреждения традиционно относятся к социально экономической сфере и разрабатываются с учетом присущей

организованной преступности «двойственно», выражающейся, с одной стороны, в предоставлении ею незаконных услуг и товаров, а с другой – в настойчивом проникновении в легальную экономику.

В этой связи политика, направленная на уменьшение спроса на незаконные товары и услуги, неизбежно ограничивает возможности преступных организаций, препятствует расширению масштабов их деятельности. Достижению этой же цели во многом может способствовать разрушение монополизации определенных рынков, на которых традиционно доминируют криминальные сообщества. К сожалению, оба элемента подобной стратегии редко реализуются на практике, поскольку проблема носит чрезвычайно сложный характер. Тем не менее конкретные шаги в этом направлении вполне реальны. В частности сужение возможностей для организованной преступной деятельности достижимо путем обеспечения такого положения, когда товары и услуги, монополизированные преступниками, во все более широких масштабах появляются на легальном рынке. Это связано в значительной мере с уменьшением уязвимости законной экономики путем перераспределения ресурсов, стимулирования роста занятости в районах, где сложилось неблагоприятное социально-экономическое положение. Правда, шаги в этом направлении также чреваты определенными издержками и негативными последствиями в различных регионах мира. Однако суммарный эффект будет в любом случае многообещающим при условии их тщательного планирования и осуществления.

Кроме упомянутых шагов, достаточно эффективными, как показал опыт некоторых стран, являются меры по жесткому регулированию порядка выдачи лицензий на все виды экономической деятельности, в особенности на банковские и иные финансовые услуги, так привлекательные для транснациональных криминальных организаций. Это должно увязываться с осуществлением тщательного банковского контроля за сделками, в частности внешнеэкономическими, в целях воспрепятствования отмыванию грязных денег. Весомый профилактический вклад могут внести новые законодательные положения, направленные на поддержание цивилизованных стандартов экономической деятельности и препятствующие проникновению в нее организованной преступности.

Специалисты справедливо отмечают, что превентивные меры общего характера в последнее время все чаще используются в целях контроля над транснациональной организованной преступностью. Но особенно многообещающими выглядят они в сочетании со специальными мероприятиями, которые принято именовать «традиционными мерами борьбы с преступностью».

2. В рамках мер специального предупреждения организованной преступности прежде всего следует подчеркнуть значение материального уголовного законодательства. В ответ на усиление угрозы со стороны транснациональных и внутренних криминальных сообществ целый ряд государств внес существенные поправки и изменения в нормы национального уголовного права. Их существо сводится прежде всего к внесению положений: а) об уголовной ответственности или ее усилении за создание, руководство или участие в деятельности преступных организаций; б) о конфискации активов, полученных в результате преступной деятельности; в) об изъятии доходов от подобной деятельности путем использования закрепленной в законе возможности предъявления гражданского иска. При этом законодательство ряда стран проводит различия между преступной деятельностью криминальных сообществ (организаций мафиозного типа) и преступлениями, совершенными в соучастии, но без создания криминальной организации, следовательно, характеризующимися меньшей степенью общественной опасности. Пожалуй, характерным примером динамики уголовного законодательства, демонстрирующего подобный подход, служит вступивший в силу с 1 января 1997 г. и претерпевший за минувшие десятилетия существенные изменения в анализируемом контексте Уголовный кодекс РФ.

Что касается подхода к отнесению определенных видов преступных деяний к разряду организованной преступной деятельности, то, несмотря на известное разнообразие, уголовное законодательство большинства государств, все же довольно единодушно очерчивает их основной круг. В частности федеральное уголовное право США относит к числу таковых торговлю незаконными наркотиками, вымогательство частными лицами или государственными служащими, запрещенные азартные игры, перевозку из штата в штат или получение похищенного имущества. В Гер-

мании запрещен ряд видов преступной деятельности, которыми, как правило, занимаются криминальные группы. К их числу относятся незаконная торговля наркотиками, групповой разбой, получение украденных вещей, торговля запрещенным огнестрельным оружием, вымогательство, сводничество и сутенерство, а также организация незаконных азартных игр. Статутное право Англии относит к разряду организованной преступной деятельности различные формы мошенничества, подделку отчетности, хранение похищенного имущества, торговлю наркотиками, подлог, проживание на доходы, полученные от проституции, а также различные формы преступного нападения. Итальянское законодательство выделяет в числе таковых распространение незаконных наркотиков, похищение людей с целью получения выкупа, вымогательство, мошенничество, ростовщичество, подделку денежных знаков и ценных бумаг. В республиках бывшего Советского Союза самыми распространенными в рамках организованной преступной деятельности являются коррупционные преступления, так называемое рейдерство, контрабанда товаров, вымогательство, хищения, преступления, связанные с наркотиками, заказные убийства и др. [2].

Объединяющим началом для всех этих достаточно разнородных преступлений при отнесении их к организованной преступной деятельности выступает наличие признака, определяемого как «участие в организованном преступном бизнесе». Для признания субъекта виновным в этих случаях необходимо доказывание того факта, что он осознавал свое участие в преступном сговоре группы из двух или более лиц, существующей на постоянной основе для реализации совместных преступных замыслов.

Пожалуй, наиболее характерным и представляющим своеобразную модель для других правовых систем является законодательство США 70-х гг. о рэкетирской организованной преступной деятельности, широко известное как РИКО, а также закон о постоянно действующем криминальном предприятии. В дополнение к названным нормативным актам в США были приняты законы о запрете общего преступного сговора и о запрете сговора с целью торговли наркотиками. Несмотря на некоторую разницу в определении минимального количественного состава преступного сообщества в каждом из названных законода-

тельных актов (от 2 до 5), содержание понятий «преступный сговор», «участие в организованном преступном сообществе» формулируется достаточно подробно и охватывает практически все виды наиболее распространенной и опасной преступной деятельности. К их числу федеральное уголовное законодательство и уголовные кодексы штатов относят чаще всего преднамеренное убийство, разбой, торговлю наркотиками, мошенничество и ряд других тяжких преступлений.

Примеру США чуть позже последовала Италия, испытывавшая серьезные трудности в доказывании факта сговора при использовании старого законодательства. Еще в 1982 году в Италии был принят закон, по которому участие в каком-либо мафиозном сообществе в количестве трех или более человек влечет за собой уголовную ответственность. Сообщество признается мафиозным, если его члены стремятся обеспечить управление или, по крайней мере, контроль за тем или иным видом экономической деятельности, общественными работами, предоставлением услуг с целью извлечения незаконной прибыли или получения других незаконных выгод. Помимо названной нормы, носящей специальный характер, законодательство Италии содержит общее определение преступного сговора при осуществлении других преступлений, а также специальную его формулировку применительно к торговле наркотиками.

Принятие и применение в США и Италии вышеупомянутых и других законодательных актов оказалось чрезвычайно эффективным средством борьбы с организованной преступностью. Содержащиеся в них нормы позволили осуществлять уголовное преследование лидеров и рядовых функционеров криминальных сообществ за сам факт членства в мафиозной организации, деятельность которой связана с совершением преступлений. В целом ряде судебных процессов минувших десятилетий были приговорены к длительным срокам лишения свободы руководители национальной и транснациональной организованной преступности. Следует отметить, что многие страны со сравнительно низким уровнем организованной преступности пока воздерживаются последовать примеру США, Италии и России в признании самостоятельным преступлением самого факта участия субъекта в мафиозном сообществе. Однако развитие все более тревожных тенденций в

организованной преступности позволяет предположить, что во многих государствах подобный законодательный подход мог бы дать существенные результаты в борьбе с преступными организациями.

Другой заметной вехой на пути трансформации уголовного законодательства многих стран применительно к задачам усиления контроля над транснациональной организованной преступностью явилось введение в него норм об уголовной ответственности за отмывание денег, полученных преступным путем. Процесс этих законодательных изменений во многом стимулировала Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, рекомендовавшая членам мирового сообщества использовать подобный законодательный инструмент в отношении наркомании. Борьба с отмыванием грязных денег стала одним из основных компонентов глобальной стратегии предупреждения организованной преступности. Однако эффективность этой стратегической линии во многом зависит от политической поддержки в конкретных государствах, обеспеченности соответствующими ресурсами на международном, региональном и национальном уровнях.

Третьим компонентом законодательной стратегии в борьбе с криминальными организациями является разработка новых и эффективное использование старых уголовно-правовых норм об ответственности за коррупцию, которая в значительной мере облегчает деятельность преступных групп и выступает как часть транснационального измерения организованной преступности. Потому так важна поддержка членами международного сообщества тех рекомендаций по борьбе с коррупцией, которые были сформулированы на восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в резолюции № 7 и в Конвенции ООН против коррупции 2003 года. Достаточно последовательно эти рекомендации реализуются в законодательстве ведущих западных стран – США, Великобритании, ФРГ, а также в ряде других государств.

В частности в Соединенных Штатах Америки существует прямой законодательный запрет государственному должностному лицу требовать, вымогать или получать, а также обещать, предлагать или давать взятки. Помимо этого, целым рядом законодательных

актов ограничиваются виды коммерческих фирм или характер правоотношений, в которые может вступать бывшее государственное должностное лицо после ухода в отставку. Федеральное право США содержит требование к определенным должностным лицам в период их нахождения на государственных постах передавать свои финансовые инвестиции в трастовое управление другим субъектам. В Германии уголовно наказуемы дача и получение взятки не только государственным должностным лицом, но и дача взятки любому официальному лицу в связи с его должностными функциями, в том числе в связи с заключением или реализацией коммерческой сделки. Существенное развитие законодательства о коррупции получило в Италии. В частности усилена уголовная ответственность за злоупотребление государственным должностным лицом своим служебным положением, выразившееся в вымогательстве взятки в обмен на услугу, относящуюся к компетенции данного должностного лица. Как уголовные правонарушения рассматриваются иные способы незаконного обогащения должностного лица, в том числе присвоение денежных средств в результате совершения деяния, противоречащего его служебным обязанностям.

Британское правосудие, в отличие от практики борьбы с коррупцией в вышеперечисленных странах, использует как нормы общего права, так и современное уголовное законодательство (статутное право) в отношении лиц, виновных в даче или получении взятки. Однако, несмотря на активную законодательную и правоприменительную практику в этой области, уголовное преследование за коррупцию по-прежнему сопряжено с большими трудностями. К сожалению, во многих странах не наказываются свои национальные предприниматели, дающие взятки иностранным должностным лицам. Тем самым фактически легализуется международная коррупция. В связи с этим специальная комиссия Организации экономического сотрудничества разработала рекомендации в отношении международной коррупции с целью согласования законодательства различных стран. Совет Европы и Международная торговая палата рекомендовали принять соответствующие конвенции и подписать двусторонние договоры в качестве эффективного средства, препятствующего ее распространению, и это активно осуществляется.

Борьба с транснациональной организованной преступностью не должна исчерпываться применением только традиционных уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы или наложения штрафа. Именно поэтому важнейшее значение придается конфискации активов преступных организаций, их блокированию или наложению ареста. Экономический метод является одним из наиболее эффективных в сдерживании роста организованной преступности, в том числе транснациональной. Целесообразно распространять конфискационные меры на максимально широкий перечень имущества, нажитого на доходы от преступного бизнеса.

Наряду с этим должна быть широко узаконена конфискационная практика в отношении национальных и транснациональных корпораций, сотрудничающих с организованной преступностью, поскольку замешанные в этом должностные лица часто оказываются вне сферы действия национальной юрисдикции, избегают персональной ответственности. В этом смысле на фоне роста таких преступлений, как различные виды мошенничества, осуществляемые организованными криминальными сообществами, следует уделять больше внимания деятельности легальных фирм. Именно в них стремится проникнуть организованная преступность, криминализируя таким образом легальную экономику. Совершенно справедливо по законодательству ряда стран, в частности США, предусмотрена возможность применения уголовного наказания в виде штрафа, конфискации имущества или лишения юридических прав к корпорациям (как к юридическим лицам) в случае совершения ими уголовных правонарушений. Как свидетельствует американская практика, подобный подход, грозящий легальным фирмам не только уголовным наказанием, но и потерей репутации за связь с организованной преступностью, является мощным средством предупреждения экономической преступности, способствует снижению уязвимости экономических систем.

3. «Опыт многих стран мира с очевидностью свидетельствует, что в борьбе с организованной преступностью чрезвычайно важную роль играют уголовно-процессуальные средства, позволяющие полиции, следователям, прокурорам и судьям должным образом и с высокой эффективностью проводить рас-

следование и судебное разбирательство по данной категории уголовных дел.

Речь идет прежде всего о практике так называемого обязательного и дискреционного уголовного преследования. В частности итальянское и германское правосудие чаще всего придерживаются принципа обязательного (а не дискреционного) уголовного преследования, когда полиция и государственная прокуратура при обнаружении признаков конкретного преступления и при наличии достаточных свидетельств обязаны возбуждать уголовное дело. В США же, в отличие от упомянутого подхода, предусмотрена определенная свобода действий правоохранительных органов. Они вправе самостоятельно начать проведение расследования в отношении конкретного лица (физического, юридического) или передать окончательное решение на усмотрение прокурора. Последний, обладая дискреционным правом, имеет возможность не выдвигать обвинение за незначительное правонарушение в обмен на получение от субъекта информации о главарях организованных преступных группировок. В Великобритании следственные органы в лице руководителей следственных подразделений также вправе по своему усмотрению решать вопрос о проведении расследований. При этом государственный прокурор обладает дискреционным правом на любом этапе расследования. Разумеется, эффективное использование подобного права требует высокого уровня профессиональной ответственности. И хотя дискреционная система гибка и эффективна, потенциально в ней заложено больше возможностей для нарушения прав обвиняемых. Поэтому вполне обоснованы доводы как за, так и против использования данной модели» [1].

В рамках уголовно-процессуального регулирования борьбы с организованной преступностью особенно актуальной является проблема доказывания. На практике критерии оценки доказательств в случае совершения преступлений членами криминальных сообществ не отличаются от тех, которые применяются в отношении других категорий преступных деяний. При этом бремя доказывания традиционно лежит на государстве, от лица которого выступает прокурор. Более специфичной является проблема сбора доказательств. В большинстве государств применительно к расследованиям по делам об организованной преступности с успехом использует-

ся информация, полученная с помощью средств электронного наблюдения, внедренных агентов, а также метода контролируемых поставок.

Нельзя не отметить, что наиболее щекотливым с точки зрения соблюдения права на неприкосновенность частной жизни и вместе с тем чрезвычайно эффективным является метод электронного наблюдения. Балансирование между этими двумя обстоятельствами, несомненно, оставляет отпечаток на внутригосударственном законодательстве, разрешающем, ограничивающем или не допускающем применение данного метода.

Скажем, в «США использование метода электронного наблюдения допускается при наличии разрешения судьи. Прослушивание разговоров подозреваемого при этом осуществляется без согласия любого из их участников. Для того чтобы удержать сотрудников правоохранительных органов от соблазна использовать электронное наблюдение без судебной санкции, доказательства, полученные с нарушением закона, не принимаются в судебном разбирательстве, исключаются из общего массива доказательственного материала».

В соответствии с законодательством Германии использование электронного метода расследования является допустимым, хотя полученные таким образом улики принимаются с определенными ограничениями.

Например, «применение подобного метода расследования, сколько-нибудь серьезно затрагивающее сферу частной жизни, допустимо лишь при совершении подозреваемым субъектом тяжкого преступления. В Италии подключение к телефонной сети и прослушивание разговоров также допускается лишь в случаях серьезных правонарушений. Санкцию на применение этого метода по запросу прокурора дает участвующий в расследовании дела судья. В экстренных случаях прокурор имеет право мотивированным постановлением разрешить организации перехвата телефонных сообщений. Однако в течение 24 часов он обязан обратиться к судье с письменной просьбой санкционировать это постановление. В течение 48 часов судья должен подтвердить или отменить разрешение прокурора на электронное прослушивание. Итальянское законодательство о борьбе с организованной преступностью разрешает также превентивное электронное прослушивание, которое должно быть санкционировано государствен-

ным прокурором. Но полученная таким образом информация, хотя и используется в ходе расследования, не может быть представлена в виде доказательства в ходе судебного разбирательства. Что касается услуг негласных агентов и применения метода контролируемых поставок, то в правовом регулировании названных приемов получения доказательств в различных странах также существуют серьезные различия: от прямого запрета до широко разрешенной, хотя и четко ограниченной законом практики. В равной мере это относится к использованию свидетельских показаний соучастников по одному и тому же или смежному делу. В некоторых странах такие показания допускаются в качестве доказательств, в других закон разрешает их использование с определенными оговорками. В ряде государств запрещено принимать в качестве судебных доказательств анонимные показания тайных осведомителей» [2].

Следует также отметить «наличие во многих странах мира ошутимого стремления к принудительному обеспечению свидетельских показаний, что особенно важно по делам об организованной преступности. В частности в США, несмотря на существование пятой поправки к Конституции, запрещающей принудительное свидетельствование против самого себя, федеральный обвинитель при соблюдении определенной процедуры может получить у федерального судьи приказ о принуждении свидетеля к даче показаний. Отказ от дачи свидетельских показаний в этой ситуации влечет применение тюремного заключения до 36 месяцев, пока лицо не даст показания. В отношении строптивного свидетеля может быть также возбуждено уголовное дело за дачу ложных показаний. В Германии при отказе свидетеля давать показания без законных оснований суд налагает на него дисциплинарный штраф» [2].

Однако в борьбе с организованной преступностью законодательство и правоприменительная практика ряда государств идут не только по пути принудительного обеспечения дачи свидетельских показаний. Одновременно предпринимаются шаги по эффективной защите свидетелей посредством гарантирования им физической безопасности, возможностей по изменению места жительства, фамилии, путем выделения средств существования, оказания помощи в трудоустройстве и т.д. В сущности, программы защиты свидетелей иг-

рают сегодня ключевую роль в обеспечении эффективности борьбы с организованной преступностью. Благодаря им растет число лиц, соглашающихся дать показания в суде. Как правило, программы защиты свидетелей включаются в соответствующее законодательство. В США, к примеру, существует подобная нормативная регламентация оснований и процедуры реализации мероприятий по охране свидетелей. В перечень подобных мероприятий, помимо обеспечения личной безопасности свидетеля и его семьи, входит предоставление таких услуг, как выделение временного жилья, обеспечение перевозки имущества на новое место жительства, выделение средств существования, оказание помощи в трудоустройстве, предоставление иной поддержки с тем, чтобы свидетель мог безболезненно вписаться в новую жизнь. Кроме того, существует неофициальная, но нормативно урегулированная процедура защиты осведомителей, не выступающих открыто со свидетельскими показаниями в суде.

Сравнительно недавно в Италии было принято законодательство, регламентирующее весь круг вопросов, связанных с защитой свидетелей. В Великобритании и Германии хотя и отсутствует законодательство подобного рода, однако сотрудники правоохранительных органов могут принимать соответствующие меры безопасности, правда, в более ограниченных масштабах, чем в США и Италии. Особенно это касается не очень широких возможностей германских полицейских служб. Наконец, следует упомянуть наряду с программами защиты свидетелей и осведомителей меры по оказанию помощи потерпевшим от организованной преступности, в частности жертвам вымогательства. Эти меры направлены на укрепление сотрудничества среди реальных и потенциальных жертв рэкета, на противодействие проникновению мафиозных структур в легальную экономику [1].

4. Эффективность всего комплекса мер, направленных против организованной преступности, во многом определяется уровнем информационного обеспечения, аналитической работы и правильности формулирования на этой основе стратегических и тактических направлений деятельности правоохранительных органов.

В частности «осмысленное принятие решений правоохранительными ведомствами на национальном уровне требует сбора огромной

базы данных, включая информацию, которая, на первый взгляд, не имеет отношения к преступным сообществам. Методы, практикуемые для сбора оперативной информации, законодательно регламентированы, а для ее обработки, хранения и использования существуют мощные, компьютеризированные информационные системы. Что касается управления базами данных, то применяемые для этого организационные формы дифференцируются в зависимости от своеобразия тех или иных государств, их политического и административного устройства» [2].

Так, «в США Федеральное бюро расследования (ФБР) является главным учреждением по расследованию дел, связанных с организованной, в том числе транснациональной, преступностью. Кроме того, ряд других правоохранительных служб в пределах своей компетенции вносят существенный вклад в борьбу с мафиозными структурами. К их числу относятся Управление по обеспечению соблюдения законов о наркотиках, Таможенная служба США, Служба внутренних доходов, Служба иммиграции и натурализации, а также целый ряд других федеральных и местных государственных учреждений. Каждое из них вносит свой вклад в сбор информации, составляющей основу разработки и осуществления национальной стратегии контроля над организованной преступностью» [2].

В «Германии каждая из земель, входящих в рамки федерации, имеет одинаковый по структуре командный пункт, занимающийся сбором и координацией оперативной информации об организованной преступности. Все эти пункты связаны в целом со штаб-квартирой Федерального департамента уголовных расследований. Собранная информация в дальнейшем используется для проведения следствия в отношении конкретных лиц или группировок, для определения надлежащей стратегии борьбы с криминальными сообществами.

Сбором и обработкой оперативных данных об организованной преступности в Италии занимались в основном три полицейских формирования: государственная полиция, карabinieri и таможенная полиция. Сравнительно недавно в Италии была создана специализированная организация – Антимафиозная следственная служба, в обязанности которой входят сбор информации и осуществление операций против криминальных структур.

Суммированный объем всей информации, так или иначе связанной с организованной преступностью, обрабатывается и хранится в Управлении по координации и планированию деятельности полиции Министерства внутренних дел страны.

В Великобритании сбор, обработка и анализ оперативных данных, в том числе о криминальных организациях, входят в компетенцию девяти региональных отделений, а также полиции Большого Лондона и Национального подразделения по сбору оперативных сведений о наркотиках. Стекаются эти данные в Национальную службу по сбору информации о преступной деятельности» [2].

5. «Успех борьбы с организованной преступностью во многом зависит от эффективного разрешения проблем координации и выработки комплексного подхода к решению стоящих перед национальными правоохранительными органами задач. Речь идет о согласованности сфер компетенции и конкретных действий против мафиозных сообществ со стороны органов различной территориальной и ведомственной подчиненности, между центральными и периферийными структурами. Формы и методы этой координации в различных государствах обладают как определенным сходством, так и своеобразием. Но в большинстве случаев на какой-либо один орган возлагаются основные обязанности по проведению расследований в отношении криминальных организаций и определению стратегий в этой области» [1].

Как отмечалось, «в США основным следственным органом по делам об организованной преступности является ФБР, хотя существенный вклад вносят и некоторые другие (уже упоминавшиеся ранее) правоохранительные службы. Кроме того, в местах наиболее активной деятельности мафиозных объединений, в частности Ла Коза Ностра, создаются специальные отряды полиции, к которым прикомандировываются опытные федеральные следователи. В самом правительственном округе Вашингтона (Дистрикте Колумбия) в составе Уголовного департамента Министерства юстиции США существует Бюро по организованной преступности и разведке, укомплектованное квалифицированными прокурорскими работниками, выезжающими «на места» для проведения оперативных расследований в отношении мафиозных структур. Координирует деятельность всех названных

подразделений Совет по организованной преступности при министерстве юстиции США. В его состав входят руководители различных следственных органов и руководящие работники самого министерства» [2].

«В Германии в масштабах страны координационные функции в рамках проводимых уголовных расследований в отношении криминальных группировок выполняет Комиссия по организованной преступности». «В ее состав входят руководители БКА (федеральной криминальной службы) и земельных следственных подразделений. В Великобритании в рамках деятельности органов уголовного розыска и подразделений муниципальной полиции осуществляется постоянное взаимодействие между ними в ходе расследования уголовных дел и сбора оперативной информации, в том числе об организованной преступности. В Италии многочисленные полицейские формирования, в компетенцию которых входит и борьба с криминальными сообществами, регулярно координируют свою деятельность на межрегиональном и общенациональном уровнях. Это делается, в частности, посредством использования совместной базы данных, располагающейся в соответствующем центре Министерства внутренних дел. Функции по координации предварительного следствия и судебного расследования возложены на специальных районных прокуроров по борьбе с мафией» [1].

«Таким образом, линия на обеспечение тесной увязки деятельности всех правоохранительных органов на национальном уровне позитивным образом сказывается на решении задач контроля над организованной, в том числе транснациональной, преступностью в» различных странах.

6. Что же касается межгосударственного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, то за минувшие два десятилетия его уровень несколько «возрос. Вместе с тем многие проблемы до сих пор остаются неразрешенными, сохраняются серьезные препятствия и сдерживающие факторы. Основным побудительным мотивом развития международной кооперации в этой сфере является очевидная неспособность отдельно взятого государства или правительства в одиночку эффективно противостоять транснациональным криминальным организациям. Эти организации становятся все более могущественными и универсальными, мобиль-

ность их возрастает. Средств и ресурсов любого государства оказывается недостаточно, чтобы нанести им серьезный урон. Тем более, что транснациональные криминальные сообщества, прекрасно понимая это обстоятельство, выбирают местом своего основного базирования страны со слабой и коррумпированной системой уголовного правосудия. И в тех случаях, когда они начинают испытывать на себе серьезное давление правоохранительных служб, преступные организации перемещают свои сетевые структуры в государства с более благоприятным «климатом».

«Каковы же основные препятствия, сдерживающие так очевидно необходимое межгосударственное сотрудничество, создание достаточно мощной инфраструктуры международной кооперации правоохранительных органов в борьбе с транснациональными криминальными сообществами?»

«Прежде всего необходимо отметить, что налаживание сотрудничества в сфере уголовного правосудия во многом зависит от характера политических отношений между теми или иными государствами, различий в идеологии, в подходе к соблюдению основных прав человека. Это зачастую и служит камнем преткновения на пути международной кооперации. Кроме того, несмотря на насущную необходимость сотрудничества в области уголовного права, серьезным препятствием всегда было гипертрофированное понимание суверенитета, включая монопольное право отдельного государства на применение уголовно-правового принуждения в отношении своих граждан в соответствии с собственным законодательством. Поэтому они нечасто и неохотно выдают своих граждан в юрисдикцию другой страны, даже если существуют веские основания для их уголовного преследования» [2].

Чрезвычайно затрудняет налаживание сотрудничества также существование серьезных различий в правовых системах отдельных стран, в трактовке наказуемости или ненаказуемости тех или иных деяний, в культуре правосудия. В частности во многих государствах по-прежнему встречается серьезное сопротивление допустимости в суде доказательств, полученных путем использования осведомителей из преступной среды. Между тем для успешной борьбы с транснациональной организованной преступностью подобный метод имеет существенное значение.

Ярким примером досадной несогласованности до сих пор служит законодательство о борьбе с наркоманией. Несмотря на подписание многими странами три десятилетия назад Конвенции ООН о «борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», «нормативные акты, регулирующие аналогичные вопросы, до сих пор существенно отличаются друг от друга в различных странах. Это во многом затрудняет проведение единой политики предупреждения злоупотреблений наркотиками. Поэтому согласование национальных законодательств является краеугольным камнем, на котором основывается эффективная система координации международных усилий по контролю над транснациональной организованной преступностью.

Другое серьезное препятствие заключается в том, что в ряде случаев стороны просто не заинтересованы в налаживании сотрудничества. В подоплеке лежит коррумпированность политического руководства отдельных стран. Реальная, да еще в кооперации с другими международными субъектами, борьба с наркобизнесом, с отмыванием денег просто подорвала бы позиции коррупционеров. По той же причине сами правоохранительные органы иногда не очень охотно идут на участие в совместных операциях со своими коллегами из других государств, опасаясь утечки информации к преступникам через коррумпированных правительственных чиновников» [2].

Несмотря на перечисленные и другие трудности, задача контроля над расширяющимися сферами деятельности транснациональных криминальных организаций не может не решаться. Государства должны быть готовы поступиться некоторыми формальными требованиями суверенитета, обычаями и традициями, существовавшими столетиями. Расширение сотрудничества в сложившихся условиях не имеет альтернативы, и международное сообщество должно принимать более решительные меры для преодоления тех или иных препятствий, стоящих на его пути. «Сотрудничество может осуществляться на различных уровнях, по разным направлениям, быть двусторонним или многосторонним, однако в любом случае оно должно иметь целевой характер, учитывать все аспекты преступной деятельности мафиозных структур». Логика борьбы с транснациональными криминальными группами и определенный про-

гресс в объединении международных усилий в рамках этого противостояния позволили реально разрешить задачу разработки и принятия Международной конвенции о контроле над транснациональной организованной преступностью, принятой в 2000 году [2]. Ее основным достоинством является выход за пределы двустороннего или регионального сотрудничества и обеспечение глобального, всестороннего подхода к решению стоящих в этой области задач. К числу преимуществ этой конвенции относится, во-первых, создание эффективной системы сбора, анализа и обмена информацией о нелегальной активности транснациональных мафиозных структур. Это вполне соответствует глобальному характеру данного вида преступности. В подобном шаге заложены большие потенциальные возможности, и для их реализации необходимо создание соответствующего международного координационного центра с надежным техническим оснащением. Во-вторых, заключение конвенции обеспечива-

ет стандартизованную формулу сотрудничества широкого сообщества стран. Это открывает гораздо большие возможности, по сравнению с двусторонней кооперацией государств по тем же самым вопросам, оказывающей гораздо меньшее влияние на унификацию национальных систем правосудия.

Литература

1. Voronin, Yu. A. *Transnational Organized Crime: monograph.* – Yekaterinburg: Ural State Legal Academy, 1997. – pp. 3–52. (Translated in English in the U.S. National Institute of Justice, D.C., Washington, 1998).
2. Voronin, Yu. A. *The Emerging Criminal State: Economic and Political Aspects of Organized Crime.* – in: *Russian Organized Crime: The New Threat?* – Phil Williams (ed.). London: Frank Cass, 1997, 40 p.
3. *The UN Convention against Transnational Organized Crime.* Nov. 15, 2000. URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/orgcrime/htm>.

Воронин Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Беляева Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: beliaevaim@susu.ru.

Кухтина Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: upiup@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2018 г.

DOI: 10.14529/law180301

THE ORGANIZED CRIME CONTROL SYSTEM: NATIONAL AND TRANSNATIONAL ASPECTS

Y. A. Voronin, I. M. Beliaeva, T. V. Kuhtina
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Organized crime does not confine itself to the boundaries of the national territory of a certain state. In fact, it is an international process, and, in essence, one of the top levels of criminal evolution. This feature is most vividly demonstrated when applied to criminal organizations whose activity have become international and engendered the phenomenon of transnational organized crime. Criminality of this kind possesses a powerful potential and is highly dynamical. Therefore it poses a serious danger to the existence of both certain states and the world community as a whole because it acts in the spheres of jurisdiction of different states and destroy financial markets and the economies of many states. The governmental resources that are designed to solve many social and economic problems are not enough to offset the criminal organizations at all.

The article is focused on the analysis and assessment of effectiveness of common and specially-criminological measures against organized crime at the national and international levels. Unfortunately the world community has not formulated a coherent organized crime fighting strategy yet. It has failed to address the wide range of challenges presented by the organized crime through efficient law enforcement efforts. This is extremely important for both the understanding of the discussed tendencies and the development of the appropriate countermeasures to organized crime. In the present article the authors considered all the above specified features as much as it was possible.

Keywords: *criminal organizations, transnational organized crime, degree of corruption, law enforcement organs, measures to combat organized crime.*

References

1. Voronin Yu. A. Transnational Organized Crime: Monograph. -Yekaterinburg: Ural State Legal Academy , 1997. – pp. 3–52. (Translated in English in the U.S. National Institute of Justice, D.C., Washington, 1998).
2. Voronin Yu. A. The Emerging Criminal State: Economic and Political Aspects of Organized Crime. – in: *Russian Organized Crime: The New Threat?* – Phil Williams (ed.). London: Frank Cass, 1997, 40 p.
3. The UN Convention against Transnational Organized Crime. Nov. 15, 2000. URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/orgcrime/htm>.

Yuri Alexandrovich Voronin – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Irina Mihailovna Beliaeva – Candidate of Sciences (Law), associate, Head Professor of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: beliaevaim@susu.ru.

Tatyana Vladimirovna Kukhtina – senior lecturer of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: upiup@mail.ru.

Received 22 May 2018.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Воронин, Ю. А. Система контроля над организованной преступностью: национальные и транснациональные аспекты / Ю. А. Воронин, И. М. Беляева, Т. В. Кухтина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 6–16. DOI: 10.14529/law180301.

FOR CITATION

Voronin Y. A., Beliaeva I. M., Kuhtina T. V. The organized crime control system: national and transnational aspects. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 6–16. (in Russ.) DOI: 10.14529/law180301.